

Сыну Джеку — моему сбывшемуся желанию

Пролог

В оживленном лондонском переулке некто в плаще с капюшоном зашел в маленький магазинчик. Запер за собой дверь, убедился, что на ней висит табличка «ЗАКРЫТО», и откинул капюшон. Выглядел вошедший вроде бы самым обычным образом: худощавое лицо, очки, растрепанные седые волосы. Но, присмотревшись повнимательнее, вы бы заметили под волосами заостренные уши — если, конечно, вы способны замечать такие вещи.

Он перешагнул стопку нетронутых писем на коврик у входа и поспешил через весь магазин к двери с надписью «Посторонним вход воспрещен». Руки его, затянутые в перчатки, сжимали крупный коричневый сверток. Вокруг теснились столы и полки, заставленные товарами: настенными часами, будильниками и прочими приборами для определения времени, какие только можно вообразить. Впопыхах мужчина

натолкнулся на один из столов и сшиб на пол небольшие каретные часики — так, что их стеклянный циферблат разлетелся вдребезги. Однако он не остановился, даже не замедлил шаг. Ничто в магазине, кроме содержимого свертка, не имело для него ни малейшей ценности.

Распахнув дверь, мужчина оказался в небольшой комнатке, где полки тоже были уставлены часами — в разной степени разобранными. Он аккуратно опустил свертки на стол и трясущими руками принялся его разворачивать.

— Пожалуйста, — пробормотал он, — пусть это будут те самые. Пусть мои поиски наконец завершатся.

Из-под слоев коричневой бумаги он достал какой-то предмет и поставил на стол. Это были золотые песочные часы — с двумя стеклянными колбами, между которыми перетекала тонкая светлая струйка песка. Мужчина стянул перчатки и, затаив дыхание, осторожно положил руки на часы.

Ничего.

Очередной тупик. Эти часы — не те, что он искал. С гневным криком он отшвырнул их. Дождь из песка и осколков просыпался на гору других разбитых часов, проверенных и отвергнутых раньше. Скривившись от ярости, человек вылетел из комнаты и сбежал по узкой лестнице в подвал.

Он уже почти не замечал запах сырости и затхлости. Поначалу, когда он только-только стал

здесь хозяином, запах раздражал его, но за несколько месяцев он пообвыкся. Приноровился и к холоду, и к темноте. И большую часть времени проводил в этом подвале.

Перешагнув через стопку книг, он подошел к полке, где были в ряд выстроены свечи. Щелчок пальцев — и фитили вспыхнули, разогнав мрак золотистыми лучами. Вокруг в сырых углах ветшали книги, в стеклянных банках что-то мерзко поблескивало. Несколько столов занимали причудливые приборы, повсюду валялись записки и схемы. А посреди всего этого стоял огромный черный котел.

Человек пробрался к котлу, наступив по пути на смятую, давно брошенную записку. С балки под потолком свешивалось кружевное платье — оно болталось над котлом, словно тело в петле. Человек нежно прикоснулся к потускневшей белой ткани, и на лице его отразились сожаление и тоска.

— Я найду их, Хелена, — прошептал он. — Однажды я их найду. И верну тебя.

Позади него, в темном углу подвала, что-то шевельнулось. Что-то, что привыкло быть неслышимым и невидимым. Человек слегка обернулся в ту сторону, и существо уловило его незадаанный вопрос.

— Я наблюдал, хозяин.

— И? — резко спросил тот.

Существо осталось в тени, не желая выходить на свет. Оно не хотело показываться — и не зря.

Вид его лица, если это можно назвать лицом, вынес бы не всякий.

— Я вижу мальчишку, но не вижу, как его найти. Он скрыт, он под мощной защитой, моему взору сквозь нее не пробиться.

Человек сжал губы в ниточку:

— И даже моему.

Он задумчиво уставился в котел. Там, в глубине, маячил размытый облик, но картинка была такой нечеткой, что не удавалось разглядеть ни черты мальчика, ни то, что находится вокруг. Человек нахмурился и закусил губу. А потом его лицо снова разгладилось, озарившись догадкой.

— Ну конечно, — прошептал он. — И как я раньше об этом не подумал?

— Хозяин? — вопросительно сказала существо.

Человек выпрямился и обвел взглядом подвал в поисках необходимого. Найдя, он выудил из шкафа стеклянную бутылочку, смахнул с нее пыль и вытащил пробку. Одну каплю содержимого добавил в котел. Потом взял с ближайшего стола старые карманные часы и аккуратно подкрутил их, чтобы стрелки соединились. С мягким всплеском часы отправились туда же.

— Я действовал неверно. — Глаза его лихорадочно заблестели. — Годами пытался отследить объект, месяцами — мальчишку, и все без толку. Но теперь...

Человек заглянул в котел.

— Открой мне правду, — потребовал он. — Покажи, кого мальчик встретит следующим.

Котел в ответ забурлил. Мутная вода в глубине стала прозрачнее, а потом картинка изменилась. Когда это произошло, изменился и взгляд человека в плаще. Впервые за очень долгое время он улыбался. Там, в воде, забрезжил силуэт девочки, которую он никогда раньше не видел. Она прошла по дорожке и встала на пороге какого-то небольшого домика.

— Девчонка, — выдохнул человек. — Эта девчонка приведет нас напрямик к нему. Просто она о том еще не знает. — Улыбка стала шире и перетекла в тихую усмешку. — Найдешь девчонку... и мы найдем мальчишку.

ГЛАВА 1

Дерево Желаний

Таня Фейрчайлд сразу почувствовала: с этим местом что-то не так.

— Вот мы и здесь. — Мама отперла замок и открыла дверь в коттедж «Боярышник». — Как тебе?

Таня вслед за мамой вошла в темноту, волоча за собой чемодан. Веки сразу же задрожали. Таня потерла глаза, гадая, то ли дело в пыли, то ли в резком переходе из света в тень. Наморщила нос.

— Пахнет тут... как-то странно.

Оберон, ее упитанный доberman, явно был того же мнения. Он процокал когтями по деревянному полу, втягивая крупным мокрым носом незнакомые запахи.

— Ну еще бы. — Мама поставила свой чемодан, подошла к ближайшему окну и распахнула

ставни. — Мы первые гости в этом сезоне. Неудивительно, что воздух затхлый: дом всю зиму стоял закрытый.

— Нет, дело в чем-то другом. — Таня осматривалась вокруг, пытаясь понять, что же ее смутило.

Мама тем временем открывала окна с затейливыми ромбовидными переплетами, одно за другим, наполняя летний дом светом и свежим воздухом.

— Посмотри, какая прелесть! — воскликнула она и указала на крошечную кухню, где на газовой конфорке стоял старомодный чайник со свистком, а на ярко выкрашенных полках выстроились разномастные чашки, миски и кастрюльки в цветочек.

Напротив, в другой части комнаты, разместился гостеприимный синий диван, маленький кофейный столик и белый стол побольше, с тремя стульями.

— А это, видимо, спальни. — Махнув рукой в сторону двух дверей, мама заглянула в одну из них. — Ой, Таня, иди посмотри, как чудесно!

— Сейчас, — рассеянно отозвалась Таня.

Звук, который она уловила, едва переступив порог, стал отчетливее: легкое шарканье где-то под половицами. Она опустилась на колени и прижала ухо к полу, пытаясь понять, откуда звук доносится. Определить было трудно, потому что мама то и дело что-то восклицала, делясь своими открытиями.

— У меня тут кровать с балдахином... и ты только посмотри на эту викторианскую ванну!

Таня зажала второе ухо и прислушалась повнимательнее. Ага, вот опять... шарк, шарк, скрип. И запах тоже ощущался сильнее: земляной, не домашний. Оберон прицокал поближе и склонил голову набок, тоже слушая.

«Может, просто мышь, — подумала Таня, чувствуя, как в животе скручивается узел. — Пожалуйста, пожалуйста, пусть это будет мышь. Или даже крыса. Кто угодно, только не...»

Шарканье прекратилось, уступив место шороху. А потом, в неожиданной близости от Таниного уха, раздался другой звук: деловитое сопение, слишком сосредоточенное, чтобы исходить из мышиноного носа. Веки снова дрогнули — дурной знак. И все-таки Таня надеялась, что ошибается и что перед глазами не предстанет кто-то из *них*.

Долго ждать не пришлось. Из-под половиц донесся недовольный голосок:

— Лето, что ль, уже? Видать, и правда. Едва наступает лето, как они здесь. Отвратные, вонючие людишки! Со своей болтовней, и шумом, и грязью, и со своими мерзкими, препоганейшими запахами еды!

Резкий стук у самого уха заставил Таню подпрыгнуть. Кто-то ударил в половицу изнутри. Таня переместилась и заглянула в щель между досками. Сквозь пылевую завесу на нее таранился маленький, налитой кровью глаз,

наполовину прикрытый седой кустистой бровью. Оберон удивленно взвизгнул и громко чихнул.

— Я тебя вижу, маленькая дрянь!

— Ты кого дрянью назвал? — возмущенно спросила Таня. — Мы же только приехали. Мы тебе ничего не сделали!

— А мне плевать. — Взгляд сделался еще более злобным. — Все вы одинаковые. Одни неприятности от вас.

— Про вас я то же самое могу сказать, — огрызнулась Таня. — Вечно навлекаете на меня беду — вообще ни за что ни про что. Я не виновата, что вас вижу! Предпочла бы не видеть, знаешь ли!

— Осторожней с желаниями, — произнес противный голосок. — Я запросто могу тебе выдавить глаза во сне.

При этих словах по спине у Тани пробежал холодок, но она из упрямства решила, что не даст себя запугать.

— А я вас всех могу раздавить, — прошептала она. — Думаю, ты как раз поместишься мне под каблук!

Она затаила дыхание. Красный глаз расширился, потом сощурился.

— Ах ты гнусная нахалка! — Глаз исчез, теперь в щели показались неровные пожелтевшие зубы. — Я тебе покажу. Ох, покажу!

Оберон низко зарычал. Он, конечно, не понимал, о чем речь, но знал, что его любимой

Тане кто-то угрожает, — и это ему нисколько не нравилось.

— Таня?

Она вздрогнула, услышав рядом мамин голос, села и ударилась головой об угол кофейного столика.

— Ай! Что?

Мама смотрела на нее внимательно и озадаченно. Такой взгляд Таня видела далеко не в первый раз.

— Ты что делаешь?

Таня потерла уши.

— Ничего. Я... — Она замялась, в очередной раз борясь с соблазном просто сказать правду. — Ну, я подумала, что заметила...

Озадаченность на мамином лице уступила место нетерпению.

— Таня, только не говори, пожалуйста, «фэйри», — сказала она очень тихо и неожиданно устало. — Тебе уже двенадцать, ты слишком взрослая для всей этой чепухи.

— ...паука, — закончила Таня, понурившись.

Какой толк? Мама никогда ее не слушала. Никто не слушал. С чего она взяла, что сейчас будет иначе?

— О-о-о-о! Паук, вот кто я такой? — пропел голосок из-под половиц. — Получается, дочка меня видит, а мать нет... Ох и повеселюсь же я, еще как повеселюсь!

Таня встала с пола и бессильно опустилась на диван. В ушах звенел ликующий смех фэйри.

Облегчение, отразившееся на мамином лице, не принесло ей особой радости. Это ненадолго. Видишь фейри — жди беды, и Таня прекрасно знала, что беды не избежать. Вопрос только в том, когда она случится.

— Может, ты начнешь разбирать вещи? А я тем временем соображу что-нибудь на обед, — предложила мама.

Таня угрюмо кивнула. Взяв свой чемодан, она потащила его через комнату. В первой спальне, той, что побольше, стояла кровать с балдахином, которым восхитилась мама, а сквозь открытую в ванную комнату дверь виднелась старомодная ванна.

Вторая спальня была поменьше и попроще, зато яркая и жизнерадостная, со свежим бельем лимонного цвета и такими же занавесками. Таня водрузила чемодан на кровать, расстегнула молнию, достала одежду и обувь, свалила все в кучу, а потом подошла к окошку и выглянула наружу. Перед ней лежал разросшийся цветущий сад, через который вилась мощенная камнем дорожка, — ну прямо как на картинке из книги. Куда-то просеменил маленький ежик, пробираясь сквозь траву. На бортик обветшалой птичьей купальни присели две малиновки. Таня слегка улыбнулась — и чуть не упала, наткнувшись на Оберона, который прокрался вслед за ней и устроился на коврике позади. Таня почесала его шоколадную голову, и пес заколотил хвостом по полу, потом устроился поудобнее и задремал.

Таня взяла из кучи несколько вещей, стараясь не шуметь, готовая в любой момент услышать характерный скрип или бормотание из-под пола, но было тихо. Она надеялась, что это единственный фейри в доме, хотя ей было известно: в сельской местности фейри всегда где-то неподалеку. Таня выдержала немало визитов к своей бабушке Флоренс, которая жила в старинном поместье в Эссексе.

Тане никогда не нравился тот дом, и она содрогалась каждый раз, когда мама ее туда отправляла, потому что он кишел фейри. На одной только кухне их было двое: забавное мелкое создание в одежде из посудного полотенца, которое пряталось за угольным ведром, и пожилой сварливый брауни — он жил в коробке для чая и норовил заехать Тане тросточкой по костяшкам пальцев, стоило ей потянуться за чайным пакетиком.

Еще был целый невидимый клан, захвативший дедушкины часы, — это из-за него проклятый механизм никогда не работал. Если Таня проходила мимо, в ушах потом долго звенели затейливые издевки. Хуже всех было существо, похожее на лягушку, от которого воняло тухлыми яйцами: оно жило в водопроводных стоках и, как сорока, пыталось стащить все блестящее, что только попадалось в его липкие пальчики. Хотя Таню не слишком прельщала идея провести каникулы в доме с тем, что шныряло под половицами, приходилось признать: лучше

уж так, чем снова отправиться к бабушке в гости.

Вскоре она разложила все вещи, и мама позвала ее обедать. Таня вернулась в гостиную и помогла маме отнести тарелки на стол. Потом налила себе апельсинового сока и принялась за салат, хлеб, ветчину и крутые яйца, вдруг осознав, что сильно проголодалась.

Оберон, как и следовало ожидать, пробудился от сна и теперь сидел рядом с Таней, положив ей голову на колени. Его длинный нос высывался из-под скатерти. Таня украдкой скормила ему кусок ветчины — и это осталось бы незамеченным, если бы пес не так шумно жевал. Мама вздохнула.

— Ох, Таня. Я же просила тебя не подкармливать Оберона, а не то он станет ужасным попрошайкой. К тому же смотри, как он растолстел.

— Ничего не растолстел, — пробормотала Таня, все-таки почувствовав укол совести. Оберон постоянно клянчил еду, а порой и подворовывал, когда думал, что это сойдет ему с лап. — У него просто... щенячья упитанность.

Конечно, Таня была виновата. Все началось несколько месяцев назад, когда ушел папа. Первые недели были еще туда-сюда, потому что поначалу это казалось нереальным. Таня могла сделать вид, будто он, как обычно, уехал куда-то по работе и скоро вернется. Но спустя месяц воскресных визитов и натянутых разговоров,

месяц, на протяжении которого в доме постепенно становилось все меньше его вещей, ее наконец стало накрывать осознание, что папа действительно ушел. Именно тогда Таня начала ужасно по нему скучать. И Оберон тоже.

Однажды, увидев, как Оберон свернулся на забытых поношенных папиных тапочках — только их папа в итоге не забрал, — Таня поддержала его единственным способом, пришедшим в голову: дала печенье. И пока пес радостно его грыз и вилял хвостом, Тане тоже легчало на душе. Она понимала, что это временная мера, но теперь, когда Оберон ждал от своей хозяйки подачки, было намного труднее не уступить. Особенно когда он смотрел на нее как сейчас — умоляющими карими глазами.

Таня погладила пальцем кончик собачьего носа:

— Хороший мальчик. Ну, уже иди ложись.

Оберон послушно удалился, тяжело переступая лапами, и Таня отодвинула тарелку: аппетит улетучился при мыслях о папе.

— Что такое? Не хочешь есть?

Таня посмотрела на пустой третий стул.

— Зачем три стула, если мы здесь вдвоем?

Мама опустила взгляд и вытерла губы.

— Потому что коттедж может принять до трех гостей. — Она помолчала. — Я знаю, ты по нему скучаешь. Я тоже, до сих пор...

— Ты? — Таня не сдержалась и фыркнула. — Ведь это ты вынудила его уйти!

— Потом будет легче, — просительно сказала мама. — Знаю, сейчас в это не верится, но кое-что уже поменялось к лучшему.

— Что же?

— По крайней мере, в нашем доме прекратились крики и ссоры.

Таня встала, стукнувшись о стол.

— Пойду погуляю, — бросила она.

Мама сидела совершенно удрученная.

— Только далеко не уходи и возвращайся скорее.

Таня кивнула, взяла собачий поводок, немного мелочи и сунула в рюкзак. Открыла дверь и прошла под аркой, заплетенной розами. Густой июльский воздух был полон их сладкого тяжелого аромата. Дверь хлопнула сильнее, чем Таня рассчитывала, и они с Обероном зашагали по мощеной дорожке, ведущей через сад.

Мама была права: ссоры кончились. Стоило сказать за это спасибо, Таня понимала. Но на смену ссорам пришло то, что оказалось ничуть не лучше: тишина. И в тишине Танины злость и одиночество разрастались и боролись друг с другом, становясь громче и громче и заглушая все остальное.

Вскоре дорожка кончилась, влившись в большую дорогу. Здесь было уже оживленнее: мимо медленно катились машины в поисках места для парковки, а над головой кричали чайки. Таня вдохнула поглубже, и грудь наполнилась соленым морским воздухом. До моря

было рукой подать, Таня уже могла его разглядеть.

Табличка на обочине дороги гласила: «Добро пожаловать в Спинни-Уикет!» На противоположной стороне стоял указатель со стрелками: «Набережная», «Пирс», «Павильон», «Замок Спинни». Таня прикинула, не пойти ли к пирсу, но остановилась. До нее донеслись отголоски ярмарочной музыки и отзвуки смеха. Этого хватило, чтобы передумать. Она по опыту знала: более одинокой, чем в тишине, чувствуешь себя только в веселящейся толпе.

— Пойдем, Оберон. Давай лучше сюда. — С этими словами Таня зашагала по направлению к замку, чувствуя, как пес сзади тычется в нее носом.

В замок вела узкая пыльная дорожка, заросшая дикими цветами; она пролежала среди полей и лугов, где щипали траву коровы и овцы. Поблизости никого не было, и минут через пять Тане стало не по себе. Шум с побережья сюда уже не доносился, и за это время не встретилось ни одной живой души.

Временами Тане казалось, будто в высокой траве кто-то хихикает и фыркает, пару раз в зарослях слышался шепот. Она не сводила глаз с тропинки: хватит на сегодня фейри.

Пыльная дорога вдруг оборвалась — впереди раскинулся широкий луг. Таня приложила ладонь козырьком ко лбу и всмотрелась в туманную даль. Там замок Спинни венчал собой холм,

словно корона. На верхушке башни и в некоторых окнах мелькали темные силуэты — люди исследовали замок.

Краем глаза Таня увидела какую-то изумрудно-зеленую вспышку. Она повернулась и прищурилась. На полпути к замку высилось одинокое раскидистое дерево. Пока Таня вглядывалась в его крону, среди листвы снова что-то блеснуло — на этот раз ярко-синим.

— Что там за огоньки такие? — вслух поинтересовалась Таня.

Завороженная, она направилась к дереву, ускорив шаг. Оберон бежал бок о бок с ней, едва сдерживая восторг от обилия новых запахов. По мере приближения Таня пыталась понять, что это за таинственные огоньки. Они вспыхнули как будто целой серией: один, другой, третий. Серебристый, зеленый, опять серебристый. Потом целую минуту ничего... может, тот, кто зажигал огоньки, ее заметил? Но нет, вот еще два. На этот раз сиреневый и бирюзовый.

Таня подошла еще ближе и теперь могла как следует рассмотреть дерево. Оно нависало над ней, высокое, огромное. Ствол узловатый, толстенный. Это было очень, очень старое дерево. Таня подумала: как странно, что оно растет тут одно посреди луга! Вокруг больше ничего — другие деревья виднелись только вдалеке, рядом с замком. Она шагнула под прохладную сень и подняла голову. И ей стало ясно, что это за странные огоньки в густой зеленой листве.

Десятки, нет, даже сотни стеклянных бутылок и банок свешивались с ветвей. Всех размеров и форм, всех мыслимых и немыслимых оттенков. В основном из цветного стекла, но были и прозрачные, и крашеные. В каждой что-то лежало. Таня потянулась к одной из нижних бутылочек — маленькой, голубой, пузатой. Внутри виднелся клочок бумаги, туго скрученный и перевязанный ниткой; на бумаге было что-то написано.

«Записки? — подумала Таня. — Если да, то для кого?» Чем дольше она смотрела, тем больше замечала — казалось, такие склянки красовались на каждой ветке. И это еще не все: к дереву были привязаны ленты и лоскутки ткани. Ветер шелестел листвой и наигрывал переливчатую мелодию на бутылочных горлышках. Ленты колыхались, а бутылки плясали на ветру, как будто в такт, и солнечные лучи играли на их стеклянных боках, заставляя вспыхивать подобно драгоценным камням.

Таня стояла, расширив глаза. Она не знала, что это за дерево и зачем нужны баночки и бутылочки, но все было неважно. Более красивого дерева она в жизни не встречала, а еще в нем ощущалось что-то волшебное.

Стоило ей задуматься об этом, как наросты на узловатом стволе зашевелились. Два из них раскрылись... и моргнули. Крупный нарост понизу сперва сморщился, а затем распахнулся в широком зевке.

Таня словно к месту приросла, не в силах отвести взгляд от древесного лица. Глаза — зеленые, мокрые от росы — уставились на нее, а рот снова открылся, обнажив кривые сучковатые зубы, и произнес:

— Вот, похоже, и венец всех твоих стараний! Отыскала наконец Дерево Желаний.

ГЛАВА 2 Второе зрение

Таня не нашлась что ответить — так и стояла, беспомощно открывая и закрывая рот. Вообще-то она привыкла, что вокруг творятся всякие странности: когда ты видишь фейри, тебя в целом мало что удивляет. Но тут заговорило дерево. Дерево! Кто бы мог подумать, что говорящие деревья бывают не только в сказках? И как прикажете ему отвечать?

Оберон, похоже, пребывал в таком же замешательстве. По его разумению, деревья существовали, чтобы их нюхать и метить, — уж точно не чтобы с ними разговаривать. Он лег в ногах у хозяйки и сжался. Таня нагнулась и ободряюще погладила пса по голове; она все еще подыскивала слова — и тут дерево, которое явно было не из терпеливых, устало ждать ответа и заговорило снова:

— Всего одно желанье — ясно?
Просить о нескольких напрасно.
Коль хочешь моего совета,
Сперва послушай про запреты.
Нельзя желать, чтоб кто-то сгинул
Или поднялся из могилы,
Нельзя грядущее узнать,
Нельзя минувшее менять.
Загаданного не воротишь,
Подумай лучше: что ты хочешь?
И чем решишься заплатить
За то, чтоб это воплотить?
Желаешь чаю с королевой
Или на крыльях взвиться в небо?
Любви, везенья или мести?
Стать выше всех, умней, известней?
Быть всех богаче, всех сильнее?
Есть шоколадки, не полнея?
Пленять всех красотой лица?
Услышать правду от лжеца?
Мечтаешь о всемирной славе?
Скажи — и грезы станут явью.
Но у желаний есть цена —
Тебе платить ее сполна.
Ты к крыльям не приноровишься,
От славы скоро утомишься,
Богатство обернется прахом,
Любовь соседствует со страхом.
Есть, не толстея, так ли надо?
Испортишь зубы шоколадом!
Так что подумай не спеша,

*Как ты используешь свой шанс.
Раскрой стремление души
И на листочке напиши.
Но не используй красный цвет,
К любым другим вопросов нет.
Как из земли росток родится,
Твое желанье воплотится.*

Дерево замолчало. Выжидающе посмотрело на Таню. Опять зевнуло. Икнуло. Таня все еще не находила слов, но в голове лихорадочно перебирала возможности. Одно желание!

«Чего же мне пожелать?»

Ответ пришел почти мгновенно — сверкнул в сознании, словно стекло на солнце.

«Хочу, чтобы папа вернулся. Чтобы они с мамой снова друг друга полюбили».

Она уже открыла рот, чтобы сказать это вслух. Щеки пылали от предвкушения. Внезапно еще какой-то голос послышался откуда-то сверху из ветвей, и она осеклась, потрясенная.

— Да, да, я с первого раза понял, — сердито сказал голос. — Можешь не повторять свои дурацкие правила!

Таня тихо шагнула в сторону и всмотрелась в крону. Поначалу она ничего не могла разглядеть, кроме листвы и склянок. Потом кое-что заметила. Башмак! Ужасно стоптанный черный башмак, такой поношенный, что на носке почти протерлась дырка. Следом взгляду открылась не менее поношенная штанина — на высоком

крепком суку над головой у Тани. Кто-то проворчал:

— Бечевка, бечевка... куда же я задевал бечевку?

Ветки зашуршали, и на землю посыпались листья. Владелец башмака до сих пор не подозревал, что он не один, и рылся в карманах — видимо, в поисках бечевки. Наконец, после долгой возни и сердитого кряхтения, к башмаку протянулась рука и принялась вытаскивать из него шнурок.

— Сойдет.

Таня почувствовала себя незваной гостьей и стала соображать, что же делать. Очень хотелось ускользнуть, но при этом разбирало любопытство, кто же засел на дереве, да и вопросов было много. Когда дерево впервые заговорило, Таня предположила, что перед ней очередное проявление магии фейри. Тот факт, что и другой человек слышал его слова, значил одно из двух: либо он такой же, как Таня, и видит то, что большинству людей недоступно, либо у дерева своя магия и оно само выбирает, кому его слышать. Учитывая, что Таня никогда в жизни не встречала человека с таким же странным даром, как у нее, второе объяснение казалось ей более вероятным.

Из размышлений ее выдернул громкий стук и сдавленное «Ах ты ж...» сверху.

Таня посмотрела под ноги. В траве лежала бутылка из зеленого стекла, обвязанная шнур-

ком вокруг горлышка. Оберон с визгом отскочил — и тем самым их выдал.

— Кто здесь? — требовательно спросил голос.

За этим последовал яростный шорох. Ветки заскрипели и закачались. Загадочный древолаз спускался на землю.

Таня нагнулась и подняла бутылку. Внутри был туго скрученный листок бумаги.

— Ты... ты уронил, — выдавила она, не зная, что еще сказать.

— Я заметил, — саркастически парировал голос. В воздухе повисли ноги, ветка качнулась, и на усыпанную листьями землю прыгнул мальчишка ростом чуть выше Тани.

— А можно все же не так резко? — недовольно буркнуло дерево. — Живые ветки, не железки!

Таня уставилась на мальчишку. Тот в ответ воззрился на нее, с подозрением косясь на бутылку в ее руке. Примерно ее ровесник, лет одиннадцати-двенадцати, кожа цвета карамели, глаза ярко-голубые — таких глаз Таня раньше не встречала. Растрепанные черные волосы, блестящие как лакрица, давно просят ножниц. Из-под спутанных прядей торчит красный шейный платок, давно не стиранный.

Таня видела, что дерево переводит взгляд с нее на мальчишку и обратно, ожидая чьего-нибудь ответа. Ему явно не нравилось, когда на него не обращают внимания.

— И давно ты тут стоишь? — спросил мальчик.